

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВЛАСТИ И БИЗНЕСА В РЕГИОНАХ (КЕЙС ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ)

Д. В. Щеглова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 10 июня 2019 г.

Аннотация: в статье представлены результаты ситуационного анализа и экспертного интервью представителей бизнеса по вопросам их коммуникации с представителями власти и особенностям публичной сферы Центрально-Черноземного региона. Делается вывод о том, что модели коммуникации различны, однако есть и типичные проблемы: негативные эффекты социально-экономического неравенства населения, доминирования властных структур в публичной коммуникации, обширная «серая зона» региональной экономики.

Ключевые слова: власть, бизнес, политическая коммуникация, адаптационный потенциал, региональная политическая система.

Abstract: the author presents the results of a situational analysis and expert interviews of business about their communication with officials. The article also deals with public communication area in Central Russia regions. It is concluded that the communication models are different, but there are also typical problems: the negative effects of socio-economic inequality of the population, the dominance of power structures in public communication and vast “gray zone” of the regional economy.

Key words: power, business, political communication, adaptive potential, regional political system.

Взаимодействие власти и бизнеса является ключевым компонентом системы политической коммуникации, которая выступает и как среда, и как фактор того, как будет развиваться текущая социально-политическая модель в регионе. Если обобщить аналитику по вопросам коммуникации и бизнеса, то, пожалуй, главными проблемами эксперты называют сбой в установлении и поддержании обратной связи власти и бизнеса (получение информации от бизнеса об их предпочтениях, потребностях, проблемах и др.). Более того, исполнительные органы власти сегодня не отличаются оперативностью в разрешении возникающих проблем и в принятии быстрых решений (за исключением, пожалуй, решений о карательных надзорных мероприятиях). Анализ коммуникационной практики между субъектами партнерских отношений позволяет констатировать факт существования значимой доли неформальных связей между бизнесом и властью, при этом это не всегда коррупция [1].

Взаимодействие бизнеса с властью с помощью медиативных структур, а также трехстороннее партнерство (бизнес – власть – НКО) являются достаточно новыми практиками для российских регионов и реализуются с разной степенью успешности. В качестве основных посредников между властью и бизнесом можно назвать такие организации, как Российский союз промышленников и предпринимателей, «Деловая Россия», «ОПОРА России», Торгово-промышленные палаты федерального и регионального

уровней, отраслевые и специализированные общественные организации. Существует ряд переговорных площадок разного уровня – от Координационного совет предпринимательских союзов России до различных экономических форумов.

Но несмотря на это сохраняется существенный дисбаланс в модели отношений, который выражается в значительном доминировании власти. Модели такого доминирования в регионах отличаются. В данной статье на основе первичной и вторичной социологической информации мы опишем одну из составляющих таких моделей – коммуникацию власти и бизнеса.

Центральным кейсом выступит Воронежская область и город Воронеж, которые являются столицей Центрально-Черноземного региона (далее – ЦЧР) и отражают многие «типичные» для Черноземья паттерны коммуникации власти и бизнеса.

В статье использованы данные экспертных опросов и глубинных интервью ряда проектов, исполнителем в которых выступал автор*.

В статье были также использованы следующие данные:

1) статистические данные, содержащиеся в документах Росстата [2–5] и органов территориальной статистики: Воронеж, Тамбов, Курск, Белгород [6; 7];

* Грант РФФИ 18-011-00806 «Адаптационный потенциал региональных политических систем в условиях неопределенности и рисков (на примере областей Центрального Черноземья)».

2) научные работы, связанные с управлением развития регионов, муниципальных образований, разработкой и реализацией Стратегий развития субъектов РФ [8–15];

3) выпуски бюллетеней «Рейтинг влияния Воронежской, Курской, Липецкой, Белгородской областей» в 2017, 2018 и 2019 гг. информационного агентства Абирег [16].

В исследовании 2019 г. адаптационного потенциала Центрально-Черноземного округа была взята экспертная группа бизнес-сообщества из 15 человек и проведены глубинные интервью (частично формализованные). В исследовании 2017–2018 гг. оценка бизнесом и властью возможностей и угроз развития г. Воронежа: 21 эксперт из малого бизнеса, 11 экспертов из крупного бизнеса, 12 экспертов из региональной власти, 17 экспертов из муниципальной власти.

Воронежская область, которая выступает в качестве центрального кейса, выбрана таковым по ряду причин. Помимо неофициального статуса «столицы Черноземья», она имеет самую большую экономическую базу и динамику доходов населения среди ЦЧР. Кроме этого, в Воронежской области сосредоточено больше всего «переговорных площадок» власти и бизнеса и достаточно интенсивно развивается межсекторное партнерство.

В статье представлена аналитика по ситуации с бизнесом и властью в Воронеже, полученная в результате исследования в рамках разработки Стратегии развития города до 2035 г. Выделены «типичные» для крупных городов Черноземья проблемы в области взаимодействия власти и бизнеса.

Итак, говоря о проблемах города и власти, бизнес-сообщество отметило проблему низкого уровня доходов населения и низкий уровень доходов бюджета городского округа. При этом не связывают это с не-

эффективным управлением (этот пункт набрал меньше всего баллов по всем экспертным группам). Приведем высказывание представителя малого бизнеса о Воронеже: «Воронеж – бедный дотационный регион, который живет за счет вливаний федерального бюджета. Крупных производств, которые бы давали прибыль, нет. КБХА и Мехзавод разваливают, Россошанские химудобрения принадлежат частным олигархам. Наиболее умные граждане зарабатывают в Воронеже авторитет, опыт и бегут отсюда в Москву, Санкт-Петербург и др., потому что ловить здесь нечего. Население в основном бедное, пенсии равны прожиточному уровню, примерно 9000 руб. Работу молодым специалистам найти крайне сложно» (оценка низкого уровня доходов населения и бюджет – 5 баллов из 5).

Сами воронежцы, согласно опросам общественного мнения, также отмечают, что их доходы упали, а данные показывают, что расслоение и поляризация жителей увеличиваются [17].

В настоящее время число воронежцев, засвидетельствовавших ухудшение материального положения за последний год (42 %), в три раза превышает количество горожан, у которых благосостояние улучшилось (14 %). Среди самых бедных количество жалоб возрастает до 77 %. Наиболее состоятельные респонденты, напротив, чаще заявляли, что жить стали лучше (33 %) или, по крайней мере, не изменили своего положения (54 %). Таким образом, ситуация такова, что бедные беднеют, а богатые богатеют (рис. 1).

И для бизнеса, и для власти это очень тревожные показатели. Объективно поляризация и сильное расслоение по доходам приводят к высоким рискам, как политическим (протесты, падение легитимности власти), так и экономическим (снижение массового потребительского спроса).

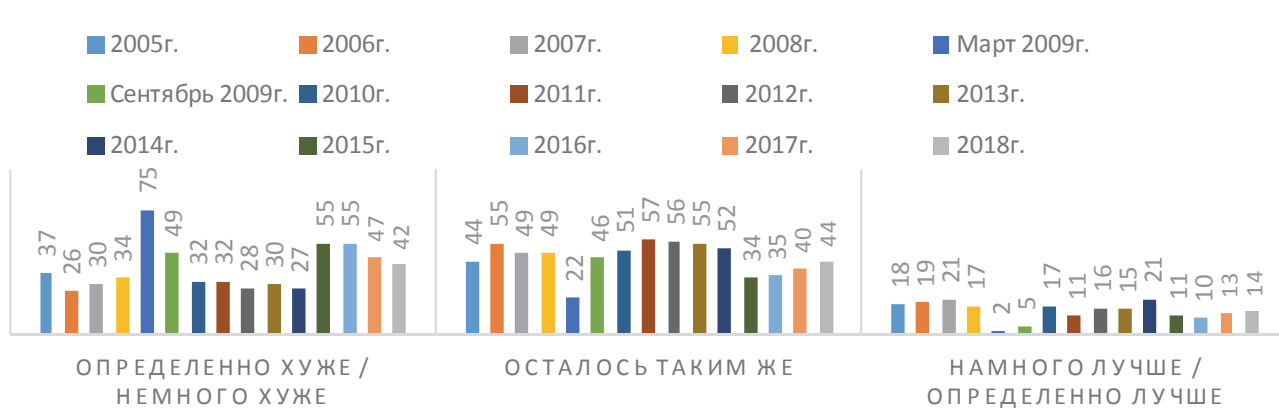

Рис. 1. Процентное соотношение ответов на вопрос: «Как Вы полагаете, Ваше нынешнее материальное положение (Вашей семьи) лучше, хуже или примерно такое же, каким оно было год назад?» по годам [18]

Также необходимо отметить, что теневой сектор экономики упоминался бизнес-сообществом как один из серьезных факторов препятствия развитию потенциала города и области. Вообще, к проблемам «теневой» экономики часто обращаются воронежские СМИ, эксперты и ученые-исследователи. Эксперты из научного сообщества чаще всего отмечают, что причиной воспроизведения «теневых» экономических отношений является сложившаяся в России налоговая культура, качество институтов и политико-правового управления [19].

Для Воронежского региона характерна самая крупная «теневая» доля строительного бизнеса.

Это особенно тревожно, так как, согласно аналитике бизнес-агентства Абирег, в 2016, 2017 гг. стро-

ительство находилось на втором месте среди направлений деятельности самых влиятельных бизнесменов [20], и в 2018–2019 гг. эта структура не претерпела изменений.

Но при этом в качестве возможностей города для дальнейшего развития конвертация доходов от «ненаблюдаемой» экономики в открытые финансовые ресурсы находится на последнем месте в оценках экспертов, как бизнеса, так и власти (рис. 2).

Итак, ситуационный анализ показал, что типичными являются низкие доходы населения и увеличивающийся разрыв между бедными и богатыми, обширный сектор теневой экономики, низкий экспортный потенциал предприятий.

Оцените возможности г. Воронежа

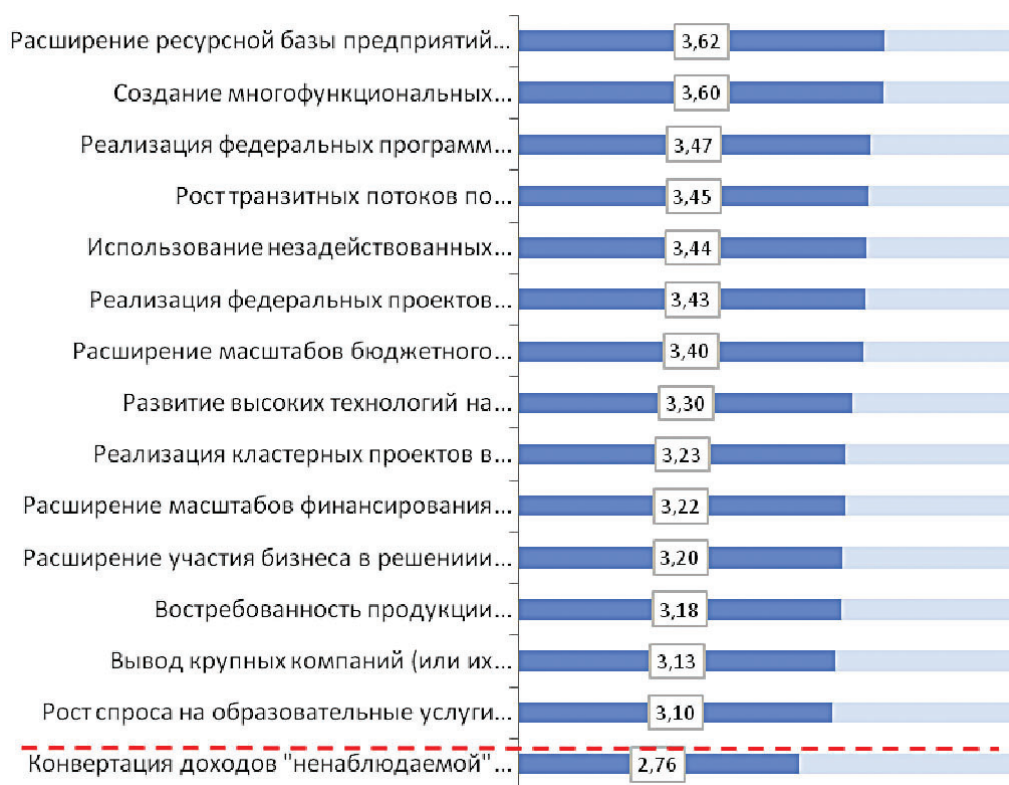

Рис. 2. Экспертная оценка возможностей г. Воронежа

Важно отметить, что при этом в лидерах влиятельности сохраняют высокие позиции региональные органы власти, коммерческие структуры и федеральные органы власти. Правда, говоря о Воронежской области, бизнес-эксперты, принимающие участие в ежегодном аналитическом отчете информационного агентства Абирег, отмечали в 2017 и 2018 гг., что «силовики взяли власть в Воронежской области». Это звучит достаточно тревожно, однако связано с тем, что в первой десятке рейтинга самых влиятельных персон на государственном уровне силовики опередили госслужащих (рис. 3).

Выше были описаны «средовые» характеристики осуществления коммуникации власти и бизнеса в ЦЧР. В качестве итогового сюжета статьи приведем обобщения интервью самих предпринимателей Центрального Черноземья в вопросах их коммуникации с властью, оценки собственной деятельности и деятельности властей различного уровня.

Нами было проанализировано 15 глубинных интервью, представителей бизнеса 4 регионов Черноземья (Воронежская, Курская, Тамбовская и Белгородская области). Ниже представлена аналитика по вопросам, касающимся оценки бизнеса

собственной деятельности и его коммуникации с органами власти.

Рис. 3. Соотношение влияния государственных и коммерческих структур в Воронежской области

Предприниматели в исследуемых регионах оказались единодушны в том, что их деятельность, помимо получения прибыли и социально-экономического эффекта, несет в себе определенную миссию. Она связывается, прежде всего, с обеспечением достойной жизни населения, удовлетворения не только материальных, но и нематериальных потребностей, внесением инноваций, а также с тем, что предприниматели являют собой примеры современного лидерства.

При этом интересно отметить, что большинство предпринимателей, сталкиваясь в середине интервью со шкалой оценки того, насколько бизнес ориентирован на получение «общего блага», характеризуют этот показатель достаточно низко (средняя оценка 4 из 10). Главным аргументом является то, что «бизнес занимается все-таки прибылью», поэтому личная прибыль и выгода здесь на первом месте. Интересен тот факт, что, по оценкам предпринимателей, недалеко от них ушли депутаты, личная выгода которых часто оказывается важнее общего блага (средняя оценка действий депутатов для общего блага – 4,4 из 10).

Говоря о своей миссии, предприниматели отмечали не только свою «общественную» миссию, но и долг перед государством («успешность реализации миссии зависит от коммуникаций между бизнесом и конечным потребителем, тем же государством»), часто трактуя государство как еще одного «рыночного потребителя».

Предприниматели связывали «социальную» нагрузку бизнеса с тем, насколько он эффективен коммерчески. Так, чем успешнее (экономически эффективнее) бизнес, тем больше «социальных» проектов он реализует. Вопрос долгосрочной ответственности

бизнеса, в том числе и за экологические последствия своей деятельности, для российских регионов достаточно нов, и бизнесмены оценивают этот показатель на среднем уровне, подчеркивая, что это еще достаточно оптимистичная оценка. На это ориентирован крупный бизнес, а малый и средний гораздо меньше, так как им сложнее удержаться на плаву, и их доходы ниже, поэтому им сложно сосредоточиться на чем-то, кроме коммерческой выгоды.

Что касается оценки того, в какой мере региональный бизнес склонен вкладывать деньги в создание новых институтов для изменения внешней среды, то эксперты единодушно ставили низкие баллы, отмечая, что с такими практиками они не знакомы.

На вопрос, почему таких практик не наблюдается в регионе, бизнесмены отвечали, что для этого у нас слишком высокий уровень неопределенности и изменчивости среды («То есть среда изменчивая. Да, можно сделать, но потом окажется, что среда это поглотила или изменились внешние факторы»).

Таким образом, можно точно констатировать, что региональный бизнес в изучаемых субъектах не готов вкладывать свои ресурсы и инвестиции в создание новых институтов. Формирование стратегии повышения инвестиционной привлекательности региона происходит в условиях достаточно высокой степени неопределенности инвестиционных процессов в России в целом, вызванной в первую очередь институциональными факторами. Незавершенность структурных и институциональных преобразований создает дефицит экономических инструментов для регулирования регионального инвестиционного процесса.

Это связано с тем, что не все предприниматели готовы отдавать «много во благо», так как такое вложение несет большие затраты, а большинство не готово рисковать, не видя, что это может дать стратегически.

Участие в формировании политической повестки дня многими бизнесменами воспринимается как практика лоббизма или участия в решениях областной администрации строго по вопросам бизнеса (онлайн-кассы, налоги и т. д.). Никто из бизнесменов не отметил совместной выработки решений по общезначимым вопросам, и только один заметил, что это «дело федерального уровня».

На региональном уровне влияние бизнеса на повестку было оценено неоднозначно. Многие бизнесмены оценили это влияние как значительное, понимая под этим лоббистскую деятельность и «связку» политической и экономической элит.

Те из предпринимателей, которые оценили такое влияние высоко (7–20 баллов), отмечали следующее:

«Так как бизнес-сообщества напрямую связаны с формированием политической повестки дня. Ведь бизнес является одной из главных составляющих

развития региона. В связи с этим бизнес-сообщества тесно работают с местными властями, что, в свою очередь, часто отображается в региональных СМИ» (*средний бизнес, Тамбов*).

«Бизнес и органы власти ведут тесные отношения друг с другом, что, в свою очередь, способствует увеличению темпов роста экономики, повышению качества жизни, развитию науки и образования, расширению доступности социально-экономической структуры и привлечению инвестиций» (*крупный бизнес, Тамбов*).

«Бизнес так или иначе связан с жизнедеятельностью регионов, он связан с социокультурными особенностями взаимодействия СМИ с субъектами власти в каждом из регионов. И также это является рекламой и продвижением для самого бизнес-сообщества» (*средний бизнес, Курск*).

«Влияние бизнеса на решения, принимаемые региональными органами власти, я оцениваю на 8 баллов. Все потому, что бизнес и органы власти взаимодействуют между собой с целью решения общественно существенных задач на выгодных для всех условиях. Потому что каждая из сторон взаимно дополняют друг друга и влияют как на развитие общества в целом, так и на свое собственное» (*крупный бизнес, Курск*).

«Решения, принимаемые, региональными органами власти, отчасти зависят от бизнеса региона» (*крупный бизнес, Белгород*).

Разброс мнений по этому вопросу весьма значительный – от 1 до 9 баллов из 10, т. е. оценки кардинально разные. Среди тех бизнесменов, кто отмечал низкие баллы по вопросу участия бизнеса в региональной повестке дня, большинство – представители малого бизнеса. Они апеллировали к тому, что политическая повестка уже «сформирована сверху», а бизнес может только вписаться в нее или нет.

Общее, что отмечали все группы предпринимателей по этому вопросу, – это то, что главная «линия размежевания» по поводу того, сколько у бизнеса «справедливо забирать» в виде налогов. «То есть бизнес хочет как можно больше себе оставить, власть – больше взыскать. Но вот как бы эти интересы не совпадающие, точно».

Неоднозначны в своих оценках эксперты были и по вопросу того, на что нацелены субъекты региональной политической коммуникации (депутаты и партийные функционеры, чиновники, бизнес, некоммерческие организации): на достижение общего блага или корыстных интересов. Выше отмечалось, что большинство предпринимателей оценили свой сектор – бизнес – как ориентированный на личное благо. С похожих позиций они оценили и депутатов. А государственные чиновники и представители НКО получили большие баллы по шкале общего блага.

Такая характеристика депутатов связана, на наш взгляд, с тем, что с ними сами бизнесмены взаимодействуют редко (в основном с исполнительной властью, что также было отмечено ими в интервью), и о деятельности депутатского корпуса в регионе они узнают в основном из СМИ.

Интересно было бы понять, почему предприниматели, говоря о своей особой миссии и роли в обществе, не считают, что они работают на «общее благо». Это противоречие в оценках требует более глубокого изучения. Возможно, это связано с тем, что даже для получения личного блага и выгоды предпринимателям приходится прикладывать серьезные усилия, в том числе и морально-этические, что компенсируется неким флером «миссионерства».

Еще один важный индикатор того, как осуществляются взаимоотношения власти и общества, – это правовое поле. В частности, у экспертов спрашивалось о том, насколько соблюдается право на предпринимательскую деятельность и защиту частной собственности. В общем, было отмечено, что свобода предпринимательства на достаточно высоком уровне, но с защитой частной собственности есть определенные проблемы, которые не связывались экспертами с региональным уровнем, скорее с федеральным. Хотя большинство экспертов поставили по этому вопросу высокие баллы, в качестве рекомендации было отмечено, что необходимо разделять свободу предпринимательства и защиту частной собственности в два разных вопроса.

Тревожными показателями, с нашей точки зрения, выступили уровень предпринимательской солидарности (только один эксперт поставил 10, остальные – 3–5 баллов из 10) и инициативности населения в регионе.

Практически все эксперты отметили, что солидарность бизнес-сообщества крайне низкая, все решают свои проблемы. Единственная максимальная оценка была дана с аргументом, что все предприниматели, по сути, занимаются одним и тем же и мыслят в одном ключе. Большинство же экспертов высказались, что совместная деятельность в бизнесе дается достаточно тяжело.

Говоря об активности населения, бизнесмены давали весьма низкие показатели и отмечали, что инициативность не очень высокая и протестный потенциал достаточно низкий. Единственная высокая оценка была аргументирована тем, что в регионе «очень активная молодежь» и она как раз проявляет инициативу и выходит протестовать.

Максимально разный опыт был проиллюстрирован предпринимателями в области формальных и неформальных практик коммуникации с органами власти. Оценки по этому показателю разнятся не очень сильно, так как эксперты аккуратно ставили

значение, близкое к середине, рассказывая, что обычно бывает «и то, и другое». Напрямую о фактах коррупции никто не говорил, даже наоборот, отмечали, что ее уровень достаточно низкий, и использовали формулировку «личные связи».

Анализируя интервью большинства представителей бизнеса, складывалось впечатление, что и они, и региональные и местные власти кооперируются в целях адаптации к требованиям «сверху». Возможно, поэтому вопрос касательно независимости региональных властей в формировании внутренней повестки региона вызвал противоречивые оценки (максимальное значение отклонений от среднего), т. е., с одной стороны, власть и бизнес вырабатывают совместные решения в ходе адаптации к федеральным трендам, и это означает, что бизнес участвует в региональной повестке, а с другой – если смотреть шире, сама эта повестка оказывается несамостоятельной, зависимой от решений федерального центра. Но это не «выживальщеская» риторика бизнеса (за исключением некоторой идеи «миссионерств», что предполагает преодоление трудностей), а, пожалуй, констатация ситуации, к которой и бизнес, и его партнеры из других сфер уже приспособились. В качестве дальнейшего углубления исследования стоит проанализировать механизмы этого приспособления и те модели, которые сложились в конкретных регионах, а возможно, и отдельных муниципальных центрах.

В заключение отметим те вопросы, по которым бизнес-сообщество было максимально солидарно. Это вопрос социальной миссии бизнеса (видится как значимая), свободы предпринимательской деятельности (высокая), открытость и активность власти в области межсекторного партнерства (на среднем уровне) и в оценке формальных и неформальных практик коммуникаций для решения своих проблем (сочетание и того, и другого). Здесь особо стоит отметить оценку межсекторного партнерства, рассуждая о котором, представители бизнеса сталкивались с определенными трудностями. Трое из пятнадцати экспертов затруднились как-то прокомментировать ситуацию, потому что никогда не сталкивались с этими практиками и не слышали о них. Можно сказать, что межсекторное партнерство – самый «преседающий» пласт отношений власти и бизнеса в изученных регионах. Это показали и уточняющие вопросы в ходе интервью, так как большинство экспертов не были знакомы и с практиками государственно-частного партнерства.

Нельзя сказать, что в регионах нет способов и механизмов привлечения частных компаний для финансирования инфраструктурных проектов и управления имуществом общественной сферы. Однако, размышляя о подобных практиках, представители бизнеса, скорее, теряются и не уверены в своих оцен-

ках ситуации. Таким образом, можно отметить, что дефекты межсекторного взаимодействия видятся как самые серьезные из всего спектра вопросов отношений власти, бизнеса и общества, которые охватывались исследованием. Возможно, это связано с общей тенденцией крайней сегментарности связей как с властными структурами, так и с гражданскими сообществами при отсутствии равноправного партнерства и низком уровне доверия со стороны всех субъектов. На уровне реальных практик это приводит к тому, что любые совместные организационные структуры обладают инерцией и способны исказить или даже блокировать организационные инновации в случае значительного несоответствия.

Эффективная политика и управление в современных условиях требуют скоординированных усилий, пересекающих ведомственные и секторальные границы, иногда юрисдикцию и уровни управления. Информационно-коммуникативные технологии облегчают коммуникацию, но сердцевиной выступает понимание того, как выстроить взаимное доверие между правительством, бизнесом и третьим сектором. Мировой опыт показывает, что стратегическому видению и гибкости могут способствовать объединение министерской, секторальной политики в рамках общей стратегии; четкое определение долгосрочных целей; обеспечение связи между стратегическим планированием и фискальной политикой, кооперация и координирование, мониторинг реализации, использование наработок в области экономического менеджмента.

ЛИТЕРАТУРА

1. Янгулбаев М. Б. Коммуникационные механизмы взаимодействия бизнеса и власти / М. Б. Янгулбаев // *Communicology*. – 2017. – Vol. 5. – № 5. – P. 146–155. – Mode of access: <http://www.communicology.us>
2. Сайт Федеральной службы государственной статистики. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/db/scripts>
3. Регионы России. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/region/reg-pok18.pdf
4. Курск стат. – Режим доступа: <http://kurskstat.gks.ru/>
5. Территориальный орган Федеральной службы статистики по Белгородской области. – Режим доступа: <http://belg.gks.ru/>
6. Данные справочной службы г. Белгород. – Режим доступа: <http://www.go31.ru/spravka/875>
7. Данные справочной службы г. Курск. – Режим доступа: <http://kursk.tradeis.ru/kultura/cat/biblioteki>
8. Агибалов Ю. В. Местное самоуправление в Воронежской области : этапы становления и развития : монография / Ю. В. Агибалов. – Воронеж : Правительство Воронежской области, 2014. – 76 с.
9. Гриценко С. В. Развитие экономики и социальной сферы муниципальных образований Воронежской об-

ласти : экономико-статистический анализ / С. В. Гриценко, Е. А. Шубина. – Воронеж, 2013. – 248 с.

10. *Петрыкина И. Н.* Стратегическое управление развитием человеческого капитала субъектов РФ : монография / И. Н. Петрыкина, И. Е. Рисин. – М. : РУСАЙНС, 2016. – 122 с.

11. *Рисин И. Е.* Общественно-частное партнерство – стратегический ресурс развития экономической основы местного самоуправления : монография / И. Е. Рисин, Д. А. Греков. – Воронеж : Воронежский государственный педагогический университет, 2013. – 144 с.

12. *Рисин И. Е.* Региональная кластерная политика : содержание и механизм реализации / И. Е. Рисин. – Воронеж : Воронежский государственный педагогический университет, 2014. – 112 с.

13. *Рисин И. Е.* Региональная кластерная политика : концептуальное методическое и инструментальное обеспечение : монография / И. Е. Рисин, Ю. И. Трещевский. – М. : Русайнс, 2015. – 168 с.

14. *Хицков И. Ф.* Стратегия роста экономики АПК Воронежской области / И. Ф. Хицков [и др.]. – Воронеж : ГНУ НИИЭОАПК ЦЧР России Россельхозакадемии, 2012. – 158 с.

Воронежский государственный университет
Щеглова Д. В., кандидат политических наук, доцент
кафедры социологии и политологии
E-mail: bruenen@mail.ru

15. *Трещевский Ю. И.* Экономико-статистический анализ муниципальных образований Воронежской области – пространственно-функциональный аспект / Ю. И. Трещевский, О. Б. Шиянова, И. В. Терзи, Д. С. Трунова // Регион : системы, экономика, управление. – 2017. – № 2 (37). – С. 25–35.

16. Рейтинг влияния Воронежской области / Информационное агентство Абирег. – Режим доступа: https://abireg.ru/ifiles/rating/voronezhskii_rv17.pdf

17. Бюллетень ИОМ Квалитас. – Режим доступа: <http://www.qualitas.ru/ru/publications/bulletin/2018/April/>

18. Бюллетень ИОМ Квалитас от 07.2018. – Режим доступа: <http://www.qualitas.ru/ru/publications/bulletin/2018/January/>

19. *Ендовицкий Д. А.* Теневая экономика России и Европы : проблемы и пути решения / Д. А. Ендовицкий, Д. Г. Ломсадзе. – Воронеж, 2019. – 217 с.

20. Рейтинг влияния Воронежской области в 2017 г. / Информационное агентство Абирег. – Режим доступа: https://abireg.ru/ifiles/rating/voronezhskii_rv17.pdf

Voronezh State University
Shcheglova D. V., Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology and Political Science
E-mail: bruenen@mail.ru